

Венеция

Летейские воды.....	9
Тинторетто.....	21
Век маски.....	32
1.....	32
2.....	43
3.....	50
4.....	58
Казанова.....	68

Путь к Флоренции

Церковь на Арене.....	101
Андреа Мантенья.....	112
Феррара и ее художники.....	121
Болонья.....	137
Мавзолей.....	155

Флоренция

От Сан-Миниато.....	171
Кватроченто.....	181
1.....	181
2.....	187
3.....	194
4.....	199
5.....	207
6.....	211
Судьба Боттичелли.....	216
Пленный дух.....	232
Бронзино и его время.....	239
1.....	239
2.....	244
3.....	249
4.....	254
5.....	260

Codo lado

Encajado

campo negro

Венеция

Летейские воды

Е

сть две Венеции. Одна — эта та, которая до сих пор что-то празднует, до сих пор шумит, улыбается и лениво тратит досуг на площади Марка, на Пьяцетте и на набережной Скъявони. С этой Венецией соединены голуби, приливы иностранцев, столики перед кафе Флориана, лавки с изделиями из блестящего стекла. Круглый год, кроме двух-трех зимних месяцев, здесь идет неугомонно-праздная жизнь, такая праздная, какой нет нигде. Надо только видеть движение человеческих волн утром на мосту дела Палья, надо слышать легкий шум разноязычного говора и легкий шорох шагов по мраморным плитам! Но вот часы указывают полдень. Пора идти вместе с толпой на площадь, смотреть, как на *torre dell'Orologio** бронзовые люди бьют в колокол. Это один из обрядов венецианской праздности, и кто исполнил его, тот может с чистым сердцем радоваться своей свободе от всех земных дел. Остается ехать куда-то в гондоле, или сидеть вместе со стариками под аркадами Дворца дождей, или зайти в Сан-Марко и рассеянно смотреть на мозаики, на древние полы, на группы разнообразных, все новых и новых людей. А там наступает и вечер. Зажигаются огни, голуби ложатся спать, Флориан и Квадри выдвигают столики на площадь. Газетчики пробегают под Прокурациями. Во всех окнах бусы, зеркала, стекло — те наивные блестящие вещи, которые никому не пришло бы в голову продавать или покупать где-нибудь, кроме Венеции.

* Башня Оролоджо (ит.).

*Intrattenimento che danno ogni giorno li Ciarlatani in Piazza di s. Marco al Popolo.
 d'ogni nazione che mattina e sera ordinariamente, vi concorre*

Giacomo Franc. Forma con Privilegio

☛ Джакомо Гварди.
Часовая башня Сан-Марко. Рисунок. После 1793 г.

11

Играет музыка, толпа журчит, журчит рекой по каменным плитам. Храм Марка мерцает цветными отблесками, и небо над головой — синее небо итальянского вечера. Так летит здесь время, точно дитя, без забот и без мыслей.

В этой жизни есть своя прелесть. Но она неизменно приносит минуты печали. Можно легко утомиться музыкой, блестящими окнами, вечным рокотом чужой толпы. Венеция часто дает испытывать одиночество, она не утешает и не просветляет, как Флоренция или Рим. Да и не вся Венеция на Пьяцце и на Пьяцетте. Стоит немного отойти вглубь от Сан-Марко, чтобы почувствовать наплыв иных чувств, чем там, на площади. Узкие переулки вдруг поражают своим глубоким, немим выражением. Шаги редкого прохожего звучат здесь как будто очень издалека. Они звучат и умолкают, их ритм остается как след и уводит за собой воображение в страну воспоминаний. То, что было на Пьяцетте лишь живописной подробностью, — черная гондола, черный платок на плечах у венецианки, — выступает здесь в стро-

☛ Джакомо Франко.
Уличные артисты на площади Сан-Марко. Гравюра. 1610 г.

Джованни
Беллини
(приписы-
вается).
Мадонна
с младенцем.
1470–1480 гг.

Джованни
Беллини.
Мадонна
с младенцем.
Ок. 1470 г.

забвенному и беспредметному созерцанию. Это созерцание бесстрастно и бесцельно. Или, вернее, цель его неизвестна, и оно само становится высочайшей целью искусства. Рассеянное воображение Беллини часто бывает обращено к простым вещам, оно охотно смешивает великое с малым. Он часто пишет пейзаж, деревню и горы, о которых всегда думается в Венеции. На фоне «Преображения» изображена дорога, где крестьянин гонит волов; на фоне одной из «Мадонн» едет всадник, двое беседуют под деревом, и обезьянка сидит на мра-

16

1

Павел Муратов

2

1–3

Джованни
Беллини.
Мадонна
с младенцем.
Деталь

3

17

морной вазе, на которой начертана надпись художника. Здесь сказалась его глубокая задумчивость, то рассеяние мысли и чувств, какое бывает на границе между бодрствованием и сном, жизнью и смертью.

Джованни Беллини любил писать также аллегории. Несколько их есть в Венецианской академии, но самая замечательная, произведение вне всяких сомнений гениальное, находится теперь в Уффици, во Флоренции. Изображена терраса чисто венецианская, высланная разноцветными плитками. Посредине открытая дверка, выходящая на широкое пространство спокойных вод. На том берегу скалистые горы, в которых много пещер, поселение, дальше замок — немного странный пейзаж, — над всем этим небо с нежными облаками, отражающимися в темнеющем зеркале вод. На террасе несколько фигур. В одном углу — мраморный трон, на котором сидит Богоматерь с опущенной головой и сложенными руками. Слева от нее — склонивши голову, женщина в венце, справа, ближе к зрителю — другая женщина, высокая, молодая и стройная, в черном платке, в том самом zendaletto, который до сих пор носят венецианки. За мраморными перилами два старца, по-видимому, апостолы Павел и Петр. Павел держит в руке меч, Петр с умилением смотрит на группу, занимающую среднюю часть террасы. Здесь в глиняной вазе растет невысокое дерево с гу-

Тичиан.
Пейзаж с двумя
сатирами. Рисунок.
Ок. 1505–1510 гг.

Жан-Огюст-
Доминик Энгр.
Аретино
в мастерской
Тинторетто.
1848 г.

Тинторетто

25

В этом отдаленном и тихом квартале, откуда видна лагуна и за ней вдали снежные горы, Тинторетто провел всю жизнь. То немногое, что известно о нем, указывает, что и в жизни также он держался в стороне от других. Он не водил дружбы с Аретино, как Тичиан, и не принимал участия в его оргиях. Есть что-то волчьё в лицах Аретино и Тичиана, но лицо Тинторетто — удивительно человеческое, очень светлое человеческое лицо. Он представляется высоким, сильным стариком с благородными мягкими чертами, с седой бородой и блестящими глазами. У него был непреклонный, прямой нрав; люди, не любившие его, должны были его бояться. Когда Аретино стал слишком дерзко бранить его, Тинторетто пригрозил ему пистолетом, и тот замолчал. Этот человек, ни перед чем не отступавший ни в искусстве, ни в жизни,

Каналетто.
Гранд-канал, Венеция. 1730-е гг.